

Бозя

Ксения Немирович

12+

Ксения Немирович Козя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67075230

SelfPub; 2022

Аннотация

В семье появляется питомец. Крошечный хрупкий котенок неожиданно становится причиной глубоких переживаний о силе веры, о любви Бога к своим созданиям, о малодушии, о чувстве вины и общении с Богом. Даже недолгая жизнь маленького существа приносит свои плоды. В этом мире ничего не происходит зря, мы все и все дела наши связаны между собой.

Ксения Немирович Козя

Мы вчера похоронили котёнка.

Мой муж с сыном прикопали его в высокой траве за домом.

Вынесли из комнаты завернутым в тот самый колючий, пахнущий шерстью коричневый клетчатый плед, под которым полюбил он засыпать днём и в котором спал на диване под стеночкой каждую ночь в постели с моим сыном.

И в последний вечер, в четверг, я запихнула его под этот плед на диване в надежде, что он быстро заснёт, и я тоже смогу лечь пораньше.

Нас не было три дня. Котёнок оставался с сыном. Сын и принёс его к нам домой, чтобы спасти от собак. У них в кафе уже был такой случай. Маленький котёнок забился куда-то в оборудование на кухне. Его достали и выпустили на улицу. А собаки тут же разорвали.

И вот случай почти повторился. Из-под холодильника вытащили маленькое истощённое существо и «выпустили» на улицу. Но в этот раз мой сын забрал его и принёс домой.

Сын мечтал о котёнке. Он сказал мне, что хочет маленького котёночка, которого сам вырастит, и который будет жить во дворе нашего недавно снятого домика. И вот, в месячное наше с мужем отсутствие, этот случай у него на работе.

Первое, что шепнул сын мне на ухо, встречая объятьями на пороге, было: «Мама, в доме котёнок». Предупредил. Вопрос очень деликатный и чувствительный в нашей семье. Даже болезненный. У мужа аллергия на животных. Астма. Аллергическая астма. Все наши попытки завести котика заканчивались его болезнью с выздоровлением только после исчезновения домашнего любимца. Но сейчас у нас был двор, где мог бы жить котёнок.

И я увидела его! Худенькое хрупкое создание крошечным комочком сидело на квадратике свёрнутого пледа на стылом полу холодного холла перед включенным обогревателем.

Таких маленьких котят я ещё никогда не видела такими тощими! А у меня большой опыт «кошачьей мамы» в детстве. Мы с младшим братом каждое лето возились с бездомными котятами: кормили, купали, промывали глазки, иногда носили к ветеринару.

Но такие маленькие всегда были кругленькими, а этот – тонюсенький, как палочный человечек. И такой трогательный! Такой жалкий и беззащитный.

Я пыталась напоить его водичкой и молочком. Приняла дневную эстафету у сына, пока тот был на работе. Я старалась его накормить, согреть, выгулять на солнышке. Я всё время носила его на руках, как капризного младенца. Он был кроткий и благодарный. Тыкался «целоваться» сухим носиком, иногда играл, но всегда истошно пищал, гонялся за нами и взбирался по нашим ногам, требуя взять его на руки,

как только оказывался на полу. Там он только понемногу ел и пытался пить, когда я сажала его на подстилку перед мисочками. Или послушно и старательно делал всё, что нужно, когда опускала в кошачий туалетик. Потом мыли лапки – и снова на ручки.

А по ночам сын чутко спал с ним рядом, опуская на пол и поднимая на диван по его требованию, и снова заворачивал спать в колючий шерстяной клетчатый плед.

Мы не спешили его назвать. В нашей семье имена не давались лишь бы как. Вот только брат в переписке в ответ на моё: «Не вижу имя, просто крохотная пушистая козявочка» стал называть его «Козя», ожидая, что настоящее имя отыщется.

Мы так его и не назвали, когда уехали на три дня на подработку в другой город. Вспоминали, жив ли? Но как-то без особой тревоги. Пожалуй, даже немного равнодушно. Признаюсь – слегка цинично.

Но, вернувшись домой тёмным вечером после длинного утомительного дня, обнаружили, что жив. И как-то даже не смогли обрадоваться этому, шокированные кошмарным запахом в комнате, где жил котёнок. Сын почти всё время был на работе и не успевал прибираться за ним.

Муж приоткрыл колючий шерстяной плед, и Козя сел на краешке дивана, ещё более невесомый и тоненький. Но такой светленький и с такой шелковистой шерсткой. ... И с ещё больше выступившими хрупкими костяшками под ней. Ма-

ленький мягонький живой кошачий скелетик.

Так обрадовался мне! Потянулся доверчиво носиком к моему лицу....

А меня пришибло вонью. Я вдруг отупела. Подержала на руках. Предложила молочко. Убедилась, что в мисочках есть еда и водичка на ночь. Ещё немного погладила. И «отложила» на завтра, запихнув опять под плед. И он сразу затих. А я сразу ушла. Хотя обычно я ещё долго гладила его под пледом, успокаивая и усыпляя.

А сейчас сразу затих. Не шелохнулся. И я ушла спать. Удрала. От жуткой вони. От решения проблемы. Отложила на завтра. Только открыла окно.

И на следующее утро не кинулась первым делом проверить, как он.

Котёнок впервые спал сам, без сына. Окно открыто – в комнате прохладно. Электропростынь включена на слабый обогрев. Сын включил, когда вернулся с работы. Зловония не стало меньше. Сын не смог здесь спать. Только включил электропростынь, чтобы котёнок не замёрз.

Горшок, похоже, не убирался, и котёнок пользовался не только им, но и всем полом в наше трёхдневное отсутствие. Я открыла огромную стеклянную дверь. Впустила в комнату свежее солнечное утро.

Но проверять котёнка не стала. Подумала, что спит. Понимала, что слишком слаб. Эгоистично не будила. Хотела сначала спокойно позавтракать. А вот муж пошёл проверить,

жив ли. Заглянул и опять прикрыл его пледом.

Нет. Уже не был жив. Козя умер.

Он так и пролежал в своей постельке под пледом всё утро. Я так и не посмотрела на него. Только выключила электропростынь.

Мы подождали, пока проснётся сын. Сын принёс котёнка в дом. Сын и вынес его из дома. Прямо в любимом котённом колючем, пахнущем шерстью, коричневом клетчатом пледе.

Похоронили его за домом. В гигантской траве. Прикопали неглубоко. Муж мне сказал. Земля каменистая.

Нет. Это не печальный рассказ. Не в этот раз. Я записала не для того, чтобы вы расплакались. Я написала потому, что это начало истории.

Я собираюсь выкопать котёнка. Я не просто так спросила у мужа, где его похоронили и глубоко ли.

Я выкопаю его. Сама. Мне не нужны чужие сомнения. Мне нужна только вера. А пока она – только у меня.

Веры не было, когда котёнок болел. Я сомневалась, могу ли молиться за него и приказывать болезни именем Иисуса отступить от него. Я не была уверена, имею ли на это право. Я не знала, спас ли мой Господь и животных. Умер ли и за них? Я просто не понимала.

И вчера, когда котёнка не стало, я только плакала. Когда никто не видел. Иногда выла. Если никто не слышал. Или орала. Как только оставалась хоть на минуту одна.

Я плакала, как только заходила в пустой дом. Пока меня никто не видел и не слышал. И особенно, когда все разошлись спать.

Только не я. Я не могла спать. Я пыталась понять. Что это, Господи? Что со мной не так? Где же правда?

И я увидела её. Сразу, как только посреди ночи попыталась почитать Библию в телефоне. Вот она – самое начало той же самой главы, которую перечитывала несколько дней назад, сравнивая разные переводы. Но только сейчас увидела нужный смысл.

Святое благовествование от Матфея, глава 10, 1-й стих: «И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь».

ВСЯКУЮ болезнь! **ВСЯКУЮ** немощь! Всякую – значит **ВСЮ!** И нет воли Божьей на смерть животных! Бог создал их и благословил для жизни!

Вернулась в Книгу Бытие:

«И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо».

«И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле».

И Бог нам дал власть над ними и ответственность за них!

Бытие, глава 1, стих 26: «И сказал Бог: сотворим человека

по образу Нашему по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле».

Вла-ды-чес-тву-ют! – оберегают, защищают, несут ответственность!

Как я казнила себя! Как винила! Почему я не молилась за него? Почему не боролась? Почему не держала на ручках всю ночь? Дурного запаха испугалась?

До меня доходило медленно...

Почему не подошла к мёртвому котёнку и не приказала ожить именем Иисуса?

Тот белобрысый пастор несколько часов орал в машине над мёртвой женой одно только слово: «Иисус!» Пока она не ожила. Илия голосил над мёртвым мальчиком очень долго, пока Бог не оживил его.

Что со мной не так? Где моя вера? Где мои мысли? Только потому, что это котёнок, а не человек?

Но ведь Бог дал Адаму власть и ответственность над всей Землёй и за всё живое.

Бытие, глава 1, стих 28: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле».

Иисус – второй Адам. И дана Ему всякая власть на Земле.

А значит, и нам в нашем Господе. В Иисусе мы праведны. В Иисусе мы, как Он.

И земля уже не проклята за Адама. На голове Иисуса был терновый венок – волчцы и тернии, колючки проклятия. Венок был в Его крови – смыто проклятие кровью. Земля больше не проклята. Иисус искупил землю.

Земля под властью Иисуса Христа! Иисус – Господь! И Он в нас. А мы в Нём. Власть нам дана в Господе нашем Иисусе Христе. И владычество.

Вчера – скрываемый плач, приглушённый крик, спрятанное опустошение и растерянность. Вчера – горе и боль, стыд и вопросы. Сегодня – затаённая готовность как натянутая тетива, с той же дрожью предвкушения. Сегодня – я как взведённый курок.

Моя вера – вера Марфы и Марии – отвалить камень от гроба, хоть и смердит. И воззвать к Господу Богу, к Иисусу и Отцу Небесному! И просить, как о Лазаре. Моё дело – молиться. Божье дело – оживить и исцелить.

Так много совпадений! Я не вижу различий, я вижу сходство. Завтра воскресение. И завтра третий день. Перед рассветом пойду к могилке. Пока спят те, кто может начать меня «вразумлять».

Я пойду и выкопаю его. И не испугаюсь вони. Лазарь лежал три дня. Уже смердело. И я не имею права отступать. Я не имею права сомневаться. Я буду молиться. Приказывать смерти отступить. Именем Иисуса. Это не я буду делать –

это мой Бог!

Я хочу действовать. Я мою полы в доме, смывая запах смерти и всё ещё виднеющиеся следы крохотных лапок. Внутри меня чувство, что я готовлю дом к приходу малыша из роддома.

Время от времени я молюсь. Или сажусь читать Библию. Между простыми делами семьи, которые воспринимаю как служение. Почти не ем. Чай и чуть-чуть какой-то еды – мёд, сухарики...

Солнце опускается ниже к горизонту, и с прохладой вечера в меня пробирается страх. Внутренняя дрожь перевозбуждения становится внешней дрожью страха.

И вот, съев чуть больше оттого, что от слабости дрожат руки, добираюсь в своём чтении до места, где Иисус объясняет ученикам, почему те не смогли сами изгнать беса из мальчика: «род сей изгоняется постом и молитвой», – и испуганной птицей упархивает крылышками от меня... Не хочу говорить «моя решимость».

Сомнения пробираются в нас упорхнувшими птичками уверенности. А простыми разговорами и обычными делами обыденность стягивает нас в себя. И я скатываюсь в комфортную яму обыкновенности. Простое опускает с высот духа. Героя можно победить без боя. Просто откладывая бой.

И притупляется сонливостью боль утраты и стыда. Пустосердечное принятие пытается вытеснить все чувства безоценочной усталостью.

И я ухожу спать.

А хотела всю ночь молиться.

Ставлю, правда, будильник. Но на два времени – вдруг мне всё-таки можно поспать подольше? Прошу, конечно: Дух Святой, разбуди, когда нужно.

Дух Святой разбудил. За минуту до прихода сына с работы и за 20 минут до будильника.

Голова гудит высоковольтными проводами. А глаза слипаются сном. И пустота обыкновенности внутри. Святой Дух разбудил, но не наполнил.

В доме свет. Сын хлюпает шейкером. Взбивает протектор. Стараюсь не уснуть. Пытаюсь читать Библию. Мелкий шрифт расплывается. Откладываю телефон. Решаю поспать до второго будильника. И такая я обыкновенная!.. Вспоминаю, как не раз просила: Господи, не дай мне скатиться в обыкновенность!

Тёплая постель, рядом муж, сын возится на кухне. Так всё мило и уютно! Ну не стало котёночка, бывает... И сразу боль до тошноты, как только пытаюсь это сбросить, вжимает в постель призывом пожалеть себя. Состояние – как с перепоя. У меня бывает так от недосыпа.

Тянусь к мобильному включить прославление. Вижу среди ютубовских обложек две «приличных» – портрет Виталия Ефремочкина и ниже – Билли Грэма. Выбираю Билли – пусть наорёт на меня сурово! Но он не орёт. Вместо это-

го разные люди спокойными голосами рассказывают свои страшные истории, стучат в мою замурованную кабинку, пытаются пробить стену, где цемент – сонное равнодушие, смешанное со страхом сомнения: «Не искушай Господа Бога своего...» Господи, можно ли? Есть ли на это воля Твоя?..

Но я же не ритуал поднятия зомби планирую! И всё-таки?..

Сын щёлкает выключателем. Возвращает спящую ночь. О, этот влажный холод израильских зимних ночей!

Натягиваю свой влажно-противный домашний костюм. Сверху – толстый шерстяной свитер мужа. Такой же пропитанный сыростью. Дрожу и иду на кухню. Беру с собой фонарь.

В комнате котёнка открыто окно. И воздух ночи. И свет уличных огней. И гул редких машин. И крик петухов. Хайфа. Адар. Бурьяны в мой рост во дворе за окном. И в самом углу, где-то там, под пластмассовой красной плетёной кухонной корзинкой, маленькая могилка. Муж вчера показал. Попросила. Предложила сходить вдвоём в сад за лимонами. Провести меня к дереву по непроходимым зарослям – надо ж так вымахать за месяц нашего отсутствия!

– Покажи, чтобы вдруг не наступила...

– Ты не наступишь...

Мои хорошие мальчики – позаботились об этом. Как грустно.

Вот. Написала вам. Сидя на не застеленном диванчике ко-

тёнка. На голом, солнцем прожаренном днём во дворе матрасе и там же проветренной электропростыни. Всё приготовила вчера, прибрала дом, как перед прибытием новорождённого младенца из роддома.

Фонарь во лбу. Может, селфи? Где мой мобильный? Ещё Грэма не дослушала. Я, кстати, собираюсь на видео всё записать. Для доказательства. Фонарь взяла. Перчатки. Вот только чем копать? Забыла подготовить заранее.

Я всегда избегала похорон. И на котёнка мёртвого не посмотрела. Трусость? А считаю себя воином. Бывают воины трусы? Бывают конечно. Вот только я, скорее, эгоист. Это не страх, а капризное желание комфорта.

Что это будет, Господи? Я не молюсь Тебе, а пишу. У меня ещё есть время...

А за окном кричат петухи. Деревня в городе. Досмотрю Грэма.

Господи! Мне так нравится эта ночь! Мне так нравится эта надежда! И даже какая-то спокойная уверенность. При всей чувствительности момента.

Четыре пятьдесят утра. Становится холодно. От окна сильно тянет. Включить электропростынь? Себе, как для котёнка. Сажу на его диване. Чувствую, будто он живой. И сразу начинаю реветь.

Я выкопаю его и?.. Только опишу всё или принесу домой живого? Господи, как Ты положишь сделать?

Вчера всё было таким логичным и правильным! Может,

надо было делать сразу? Пока были откровение и вера!

А сейчас – растерянность, страх и сомнение. Можно ли?

Нет, я не боюсь выкопать, не боюсь молиться, не боюсь, что не получится! Я боюсь, что этого делать нельзя.

А вдруг нельзя?

Вдруг я не знаю всех нюансов? А надо ли знать? А есть ли они? Что из этого ложь?

Молюсь у окна. Господи! Вот он двор. Вот он угол, где похоронен котёночек...

Господи! Что мне делать?..

Запел муэдзин.

Господи, Ты же всегда со мной, Ты ведь всегда говоришь мне – Ты это сам мне сказал!

Но я не слышу. Или не слушаю. Что Ты сейчас говоришь мне?

Уже солнце светит вовсю. Уже накормила завтраком и проводила сына на работу. Муж тоже скоро уйдёт, и я останусь одна. Ещё есть время.

Так что?

В этом вся я. У меня есть вопросы, но я не спрошу никого – не доверяю ничьим ответам. Мне очень нужно высказаться, но я молчу – не желаю ничьих суждений. Господи, мне нужен только Твой ответ, Твой совет, разговор с Тобой! Но Ты молчишь. Ждёшь моего решения?

Как же мне унять эту панику? Не в спокойствие тупого равнодушия, а в тонкую смиренную чувствительность к Те-

бе.

Да! Да. Мне нужно смирение. Я всегда слишком самонадеянна.

Я смиряюсь. Я смиряюсь. Перед Тобой и для Тебя. Скажи мне. Ответь. Как правильно? Что мне делать?

Почему я не подошла к мёртвому котёнку, пока сын спал? Почему не посмотрела? Почему не простилась? Почему я такая испорченная принцесска-дрянь: «Ой, не хочу ничего неприятного...»?

Боюсь смотреть в глаза смерти? Конечно, боюсь. Я никому не хочу бросать вызов. Только в Иисусе. Только в Господе моём! Это только Его победа!

Уже темнеет. Я ведь могу ещё это сделать. Просто я хочу знать, можно ли? А как это, Господи, в Твоих глазах?

Но я не слышу ответа. Я сижу без движения. Только оцепенение сомнения. Только опустошение бездействия. Только ускользающий день воскресения...

Я не выкопала котёнка. Я не молилась за него. Я не хоронила его. Не простилась с ним. Не держала его на руках всю его последнюю ночь. Не поила с пипетки. Не отнесла к ветеринару. Не назвала его. Я только написала о нём рассказ. Ещё одна грустная история. О маленьком хрупком котёнке. О человеческом малодушии. И о чувстве вины.

Какой ужасный, дурацкий рассказ!